

Каардынацыйны камітэт
«Гродзенская ініцыятыва»

Беларуская нацыянальная ідэя

Пад рэдакцыяй
А.А.Астроўскага, В.А.Санько

Матэрыялы міжнароднай
навука-практычнай канфэрэнцыі

18–19 красавіка 1999 г., г. Гродна

Мінск
Беларускае выдавецтва
Таварыства «Хата»

2000

УДК 316.42:338.2
ББК 65.011
Б 86

Каардынацыйны камітэт «Гродзенская ініцыятыва»

Рэдакцыйная калегія:

Уладзімір Конан, доктар філасофскіх навук, прафесар; **Дзімітрый Караў**, доктар гістарычных навук; **Алесь Астроўскі**, доктар медыцынскіх навук, прафесар

Рэцэнзенты:

Лабараторыя рэгіянальнай літаратуры ГрДУ імя Янкі Купалы (А.Ф.Смалянчук); Беларускі нацыянальны навукова-асветны цэнтр імя Францішка Скарыны

Беларуская нацыянальная ідэя. Матэрыялы міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, 18—19.4.1999, г. Гродна. / Пад рэдакцыяй Алесь Астроўскага, Валера Санько. — Мн.: Бел. выд. Тав-ва «Хата», 2000. — 448 стар.

ISBN 985-6007-78-X

Нацыя — базавая ячэйка любой тэхналагічнай цывілізацыі. Нацыянальная пачуцці святых у любой дзяржаве. Як чалавек абавязаны выканаць наканаванае, так нацыя мусіць здзейсніць прадвызначанае і займець адведзенае ёй Богам месца ў касмічным сонне.

Не зробіць наканаванае чалавек — зарапа ссячэ сябе, перанясе ўласную грахоўнасць і ляюту на крэўных, знішчыць іх; не адваіе вызначанае месца ў касмічнай і часовай прасторах нацыя, стане прыстасоўвацца да суседзяў і абставінаў — прападзе. Растворыцца соллю ў вадзе. Заслужыць ганьбаванне і нядобразычча ў першую чаргу ўласных сыноў і, ў другую, суседзяў.

Кожны з аўтараў прачытаных і дасланых артыкулаў якомгна выказваўся на адну тэму: беларуская нацыянальная ідэя жыла, жыве і вечна будзе жыць на беларускіх землях. Часам адна думка і вывад паўтараецца ў двух-трох аўтараў. Часам яны сходныя ў адмаўленні камуністычных ці сялянскіх ідэяў. Часам у жаданні справядлівіцца яны перабольшваюць у крытыцы былых і цяперашніх беларускіх уладальнікаў. Але яднае ўсіх адно: кожны аўтар можа прынесці ўласныя цагліны-думкі ў фундамент агульнага дома беларускай нацыянальнай ідэі. Кожны хоча добра, моцы і незалежнасці радзімай зямлі, Маці-Беларусі.

Адначасова, пры ўсёй колкасці і каструбаватасці выступленняў, лёгка заўважыць, што ўсе аўтары засцерагаюць лідэраў дзяржавы і партыяў ад узвялічвання сябе, невыслухоўвання думкі апанентаў. Заклікаюць бараніць, як уласных дзяцей, айчынную зямлю, беларускія традыцыі, мову, волю.

Будучыя пакаленні не асудзяць выступоўцаў на канферэнцыі за смеласць выказванняў. Беларуская нацыянальная ідэя для беларусаў павінна стаць святой. Як святая для рускага — руская нацыянальная ідэя, для паляка — польская, англічаніна — англійская. А са святога, якой бы нацыі ці рэлігіі не належала, не пасміхаюцца. Тым болей не кпяць. Святое вывучаюць і аналізуюць. Спадзяёмся, такі лёс будзе і ў дадзенай кнігі.

Не збаімся перабольшвання, але пэўнімся: матэрыялы канферэнцыі з'яўляюцца сацыялагічным зрэзам думкаў беларускага грамадства канца ХХ ст. па гэтых пытаннях.

У асноўным захаваны стыль аўтараў. Значна скарачаны палемічныя выпадкі. Для шырокага кола чытачоў.

ISBN 985-6007-78-x

**ББК 65.011
УДК 316.42:338.2**

© БВТ «Хата», 2000

© Гродзенскае абласное аб'яднанне «Ратуша», 2000

11. Stepowic A. Atkrytaje pismo // Новы шлях.— 1934.— N 4(6).— С. 7; А.Полацкі. Беларуская справа і справа і расейцы // Новы шлях.— 1934. — N 7(9). — С. 4-5.
12. Калі гэта скончыцца? // Новы шлях.— 1936. — N 5(20). — С. 4-5; В. Мety kamunistau u adnosinach da bielaruskaha nacyjanalna-adradzenskaha ruchu // Новы шлях.— 1936. — N 6(21).— С. 4-5.
13. Да справы...— С. 4.
14. Выбары і нашае становішча // Новы шлях. — 1934. — N 4(14). — С. 1.
15. Новы шлях. — 1936. — N 1(16). — С. 1-5.
16. Новы шлях. — 1936.— N 3(18). — С. 3-5.
17. На беларускім нацыянальным фронце ў Вільні // Новы шлях.— 1936. — N 3(18).— С. 8.
18. Камунікат // Новы шлях. — 1937. — N 1(22).— С. 2.
19. Наш шлях. — 1937.— N 2 (23).— С. 1-4.
20. Kamunikat Centralnaha Kamitetu B.N.S.P. // Новы шлях.— 1937.— N 3(24). — С. 1.

Основные источники для изучения проблемы историографии западно-руссизма второй половины XIX — начала XX вв.

Александр Литвинский

Одним из наиболее существенных признаков нашего времени является переход от моноидеологической структуры общества, характерной для тоталитарного режима, к структуре плюралистической. Разумеется, этот процесс протекает весьма противоречиво и даже болезненно. Относительная свобода духовного творчества оборачивается зачастую поляризацией мнений и всеобщей нетерпимостью. Белорусская история переживает, согласно меткому выражению К.Ясперса, свое «осевое время», и это обстоятельство обуславливает накал страстей, проявившийся, кроме всего прочего, и в научных дискуссиях. В них и в публицистике даются самые разнообразные ответы на вопросы об истоках белорусского народа, его духовных ориентирах и перспективах развития. Не может оставаться в стороне от поиска ответов на подобные вопросы и историческая наука. Именно от нее общество ждет квалифицированного мнения. Но готовы ли современные Геродоты это мнение выразить?

Достаточен ли их уровень общетеоретической и специальной подготовки для исполнения познавательной, воспитательной и прогностической функций, которые обычно признаются за исторической наукой? К сожалению, не всегда. Вынужденные еще 10-15 лет назад неукоснительно следовать марксистской методологической парадигме, историки растерялись, когда потребовались новые подходы к осмыслению прошлого Беларуси. Оказалось, что отсутствует удовлетворительный анализ прежних, в первую очередь дореволюционных (XIX — начало XX вв.), историографических концепций, в результате чего «жрецы Клио» часто повторяют аргументы различных историографических школ, не догадываясь, что эти аргументы уже давно подвергнуты научной критике. Поэтому необходимо гораздо более тщательное изучение разнообразных направлений в историографии истории Беларуси хотя бы для того, чтобы привести в возможно более строгую систему наши знания о них и дать им непредвзятую и квалифицированную оценку.

Одним из таких направлений является историография западноруссизма, занимавшая влиятельное положение в исторической науке второй половины XIX — начала XX в. Данная статья посвящена рассмотрению источниковой базы для изучения этой историографической школы, отрицавшей, как известно, самостоятельное существование белорусского этноса и признававшей белорусов в качестве всего лишь «западных русских» (отсюда и название). Ведь, несмотря на различные, часто диаметрально противоположные взгляды методологов исторической науки на истори-

ческий источник, он все же является фундаментом любого исследования, претендующего на статус научного. Прежде всего необходимо отметить, что источники по данной проблеме не имеют характера статистических. Каждый из них индивидуален и, несмотря на типологическую схожесть, неповторим. Однако признание этого факта вовсе не означает, что их круг узок и исчерпаем.

Скорее наоборот: большинство источников еще не послужило на благо исторической науки. В связи с этим исследователь неизбежно оказывается перед необходимостью выбора источников с точки зрения их репрезентативности (представительности, информационной насыщенности и значимости) для избранной им проблемы. Поскольку предметом рассмотрения является историографический аспект проблемы западноруссизма, то анализу будут подвергнуты источники, имеющие первостепенное отношение к данному аспекту.

Основным признаком предлагаемой классификации источников является их происхождение, что во многом обуславливает их характер и степень вышеупомянутой репрезентативности. Исходя из этого, можно выделить следующие группы источников: периодическая печать (прежде всего журналы); мемуары, а также дневники; различная документация, в основном делопроизводственного характера; лично-семейные фонды (в первую очередь наиболее ярких представителей историографии западноруссизма); научно-исторические труды (как отдельных авторов, так и творческих коллективов организаций соответствующего профиля)¹.

Прежде чем произвести обзор названных групп источников и подвергнуть их источниковедческому анализу, необходимо отметить, что группы обладают различной степенью информационной насыщенности и, взаимно дополняя друг друга, раскрывают разнообразные аспекты западноруссизмской историографии. Следует сразу же предупредить, что рамки научной статьи не позволяют скрупулезно проанализировать источники по данной проблеме, поэтому автор вынужден ограничиться рассмотрением наиболее характерных особенностей той или иной группы источников и определением их значения в историографическом контексте западноруссизма.

1. Периодическая печать

Западноруссизм являлся прежде всего направлением общественно-политической мысли. Более того, с течением времени, особенно после революции 1905-1907 гг. в России, он обнаружил тенденцию к перерастанию в течение, для которого характерна не только теоретическая, но и практическая деятельность. Возникла даже перспектива создания своей политической организации. Не будет преувеличением теза об определенной вторичности историографической деятельности «западноруссов», ее подчиненности актуальным, в их понимании, проблемам общественно-политической жизни, главнейшей из которых — проблема своеобразной инкарнации белорусских земель в «тело» Российской империи. Отсюда и острая полемичность произведений представителей западноруссизма. Вот почему изучение источников журнально-газетного происхождения является весьма важным и представляет несомненный интерес. Однако ошибочно думать, что в подобного рода источниках содержится мало историографической информации. Ведь дело в том, что «совокупность журнальных (а во многих случаях и газетных. — А.Л.) публикаций отражает состояние и динамику переднего края дисциплины»² (имеется в виду научной дисциплины, в данном случае — истории). Посредством публикаций в периодической печати историки апробируют свои научные концепции, ведут дискуссию, осуществляют связь с читателями и т.д. и т.п. Различная направленность этих изданий позволяет провести определенную дифференциацию различных течений внутри одной «школы», уловить нюансы в позиции, например охранителей и либералов, проследить временную эволюцию интересующего нас объекта изучения. Хорошей иллюстрацией к вышесказанному является анализ тех периодических изданий, которые играли роль проводников взглядов представителей западноруссизма на разных этапах его развития.

Своего рода специализированным изданием являлся «Вестник западной России». Издавался он с 1862 по 1871 г. (с 1862 по 1864 он носил название «Вестник юго-западной и западной России» и издавался в Киеве, а позже, изменив название, — в Вильно). Редакторами его были К.А.Говорский (до 1870 г.) и И.А.Эремич, причем первого из них можно назвать идейным вдохновителем журнала.

«Вестник западной России» представлял собой тот редкий случай, когда в названии очень емко выражалась идейно-политическая направленность. Исследователь, занимающийся проблемой западноруссизма, независимо от того, какой из аспектов этого течения рассматривает, просто обязан уделить пристальное внимание данному источнику, поскольку в процессе его изучения можно составить представление о различных сторонах деятельности «западноруссов». Своеобразным «введением в изучение» источника является информация А.Цвикевича, изложенная в монографии «Западно-руссизм»³. «Каждая книжка «Вестника», — писал этот исследователь,⁴ — делилась на четыре раздела. Первый раздел посвящался древней истории Белоруссии и Украины»⁵ и носил, как правило, археологический характер, то есть его содержание составляли публикации различных исторических источников, в особенности отражающих конфессиональную историю земель Великого княжества Литовского и Речи Посполитой. Следует признать заслугу «Вестника западной России» в публикации и введении в научный оборот таких источников, без которых невозможно теперь представить изучение истории религии в Белоруссии, и в первую очередь — униатской⁶. Публиковались и материалы иной тематики, хотя, как правило, сопряженной с конфессионально-исторической (например, ставшая хрестоматийной «Речь Мелешки»).

«Второй раздел составляли оригинальные статьи сотрудников «Вестника», причем... преобладали статьи на исторические темы»⁷. Ведущим автором этого раздела был сам К.А.Говорский⁸. Между прочим, отсутствие среди авторов «Вестника западной России» имен известных историков (как по представлениям XIX в., так и в понимании нашего времени) свидетельствует о невысокой популярности этого издания и о довольно прохладном отношении российской общественности к специфическим проблемам Белоруссии⁹.

Третий и четвертый разделы журнала, не являясь по своему характеру историографическими, помещали материалы общественно-политической тематики и литературные описания. Однако в них отражалась общая атмосфера периода становления западноруссизма, без изучения которой невозможно составить представление о его историографии. «Собственно, этот раздел и создает физиономию «Вестника» как «западно-русского» журнала и дает главный материал для выявления его платформы»¹⁰.

Таким образом, «Вестник западной России» как исторический источник является своего рода отражением основных тенденций, характерных для деятельности представителей «западноруссизма», в том числе в сфере историографии. Во всяком случае четко прослеживается их интерес к публикациям различных источников, прежде всего церковного и околоцерковного происхождения, и к написанию исторических трудов, даже поверхностное рассмотрение которых показывает их апологетический по отношению к православию характер. Однако неверно считать «Вестник западной России» зеркалом западноруссизма, во-первых, потому, что время его существования охватывает только часть первого периода развития этого направления в историографии; во-вторых (и это представляется более важным), деятельность Говорского со товарищи не определяет, как указывают исследователи¹¹, магистрального пути эволюции западноруссизма.

Лидером же этого идейно-политического и историографического течения являлся, по всеобщему признанию, профессор Петербургской духовной Академии (ПДА) М.О.Коялович. Ему-то и принадлежит главенствующая роль в разработке теоретических основ западноруссизма. Несмотря на оказываемую Кояловичем поддержку деятельности «Вестника западной России», сам он предпочитал публиковаться в авторитетном московском еженедельнике «День». Это обстоятельство обязывает нас охарактеризовать данный печатный орган в качестве источника по рассматриваемой проблеме.

Газета «День» издавалась с 1862 по 1865 г. И.С.Аксаковым и Ю.Ф.Самариным — виднейшими представителями славянофильства, которое являлось одним из самых влиятельных идейно-философских направлений российской мысли XIX в. А поскольку славянофильство играло роль теории и даже методологии западноруссизма¹², то у них возник естественный и взаимный интерес друг к другу, что нашло свое выражение в серии публикаций Кояловича по истории Белоруссии. Среди них такие известные его работы, как «Люблинская Уния Литвы с Польшей в 1569 г.», «О

расселении племен Западного края России», «Лекции по истории Западной России» и др.¹³ Столь широкая деятельность поощрялась и прямо инициировалась издателями «Дня» в связи со значительно возросшим в 60-е годы XIX в. вниманием к проблемам прошлого и настоящего Белоруссии. Причинами такого внимания являлись, во-первых, бурное развитие в XIX в. славяноведения, в котором исследования славянофилов играли одну из первостепенных ролей; во-вторых, благоприятная для данной тематики политическая конъюнктура: восстание 1863-64 гг. в Польше, Белоруссии и Литве, вызвавшее у российского общества всплеск интереса к западным землям империи, а также своеобразный государственно-политический заказ на борьбу с повстанческой идеологией. По публикациям «Дня» можно проследить, насколько тесной была связь политики и исторической науки в понимании славянофилов, эволюционировавших в сторону сближения с официальной идеологической доктриной самодержавия и изживших присущий им ранее определенный либерализм (восстание 1863-64 гг. в этом отношении сыграло роль своеобразного водораздела между ранним и поздним славянофильством)¹⁴.

Подводя итог рассмотрению публикаций газеты «День» в качестве источника по историографии западноруссизма, необходимо отметить, что ни в одном другом периодическом издании не нашли столь яркого выражения побудительные мотивы научных изысканий «западноруссов», и прежде всего Кояловича, и связь славянофильского мировоззрения и западноруссистской историографической практики. Кроме того, хронологические рамки издания соответствуют периоду становления рассматриваемой школы историографии, что позволяет охарактеризовать еженедельник в качестве «стартовой площадки» для дальнейшего развития исторических взглядов М.О.Кояловича и его последователей. Наконец, разнообразие научных трудов профессора ПДА, помещенных в «Дне», дает возможность изучить его взгляды по конкретным проблемам белорусской истории, в особенности истории XVI-XVII вв.

М.О.Коялович печатался и в других периодических изданиях второй половины XIX в. как центральных, так и белорусских. Можно назвать такие газеты и журналы, как «Русский инвалид», «Гражданин», «Церковный вестник», «Журнал Министерства народного просвещения», «Москва», «Русь», «Литовские епархиальные ведомости» и т.д. В статьях он проявил себя как публицист и историк одновременно. Например, в «Русском Инвалиде» он опубликовал серию статей, посвященных проблеме границ расселения белорусского этноса (в специфическом для «западноруссистов» понимании сущности данного этноса). Несмотря на то, что ни один из вышеперечисленных печатных органов не может сравниться по значению с газетой «День», они все же являются ценным источником по анализируемой проблеме, ибо в совокупности позволяют изучить динамику развития западноруссистской историографии и причины ее эволюции.

Если говорить о других публикациях представителей западноруссизма первого периода (60-90 гг. XIX в.) и вести речь об их творчестве, например П.О.Бобровского, то следует отметить, что они публиковались в тех же самых, за редким исключением, органах печати, что и Коялович. Однако изучение статей, вышедших из-под их пера, раскрывает новые грани в деятельности этого течения исторической мысли, в частности интерес к проблемам краеведения.

Второй период развития историографии западноруссизма (начало XX в.) характеризуется новым значительным всплеском «журнально-газетной» активности. Среди изданий этого периода представляют интерес прежде всего: «Белорусская жизнь» (позднее «Северо-Западная жизнь»), «Белорусский вестник» (под ред. М.А.Бовдея и П.В.Коронкевича), являвшийся рупором белорусского общества (организации, основанной сторонниками западноруссизма), «Скраины России», «Минское слово» и др. Общей тенденцией периодической печати данного направления стало усиление полемичности и публицистичности, а также борьба с окрепшим к тому времени белорусским национальным движением. Ввиду отсутствия в этот период историков масштаба Кояловича среди «западноруссов» трудно назвать сколько-нибудь крупные научные труды, печатавшиеся в изданиях начала XX в. Стоит отметить прежде всего цикл статей на темы истории средневековой Белоруссии, вышедших из-под пера анонимного автора (Л.М.Солоневича?) в нескольких номерах газеты «Белорусская жизнь» (1901-1911 гг.). Цикл этот носил название «Белорусы в прошлом» и был посвящен истории ВКЛ, трактовавшейся с позиции основного тезиса запад-

норуссизма — о белорусах как неотъемлемой части русского народа. В целом в источниках прослеживается нарастание кризиса западноруссизма, вызванного устарелостью его методологических установок по сравнению с другими историографическими школами и еще более возросшей политической ангажированностью.

Завершая обзор периодических изданий, посредством которых проводились идеи представителей западноруссизма (в том числе историографические), можно сделать вывод о том, что эти источники отражают две стороны историографической деятельности: историография как явление общественно-политической жизни и как наука. Соответственно, они указывают исследователям данной тематики два подхода к ее изучению. Только при условии взаимодополнения этих двух подходов можно определить место историографии западноруссизма в общественно-политической и научной жизни Белоруссии (а также России) второй половины XIX — начала XX в. Забегая вперед, отметим, что подобный метод применим и к анализу иных групп источников по интересующей нас проблеме.

2. Мемуарно-дневниковая литература

Следующей из этих групп источников является литература мемуарно-дневникового происхождения. Несмотря на давно известную источниковедам специфику данного комплекса письменных памятников прошлого, заключающуюся в неизбежном субъективизме авторов, вызванном различным рода пристрастиями (а в случае с мемуарами — еще и психологическими особенностями процесса припоминания), это не снижает их ценности. А поскольку историография — это не только история научных трудов, но и история их авторов, то без исследования источников такого типа невозможно составить представление о движущих мотивах научной деятельности историков, становления их взглядов как общемировоззренческого, так и специально-исторического характера, а также причинах эволюции этих взглядов. «При этом целесообразно не ограничиваться рассмотрением только общественно-политической и научной «сфер» жизни историка, но и показать его индивидуальную психологию»¹⁵. Что же дает нам изучение этой ещё далеко неисследованной группы источников для понимания сущности историографии западноруссизма? Из имеющихся мемуаров непосредственных представителей западноруссизма необходимо назвать, конечно же, мемуары их духовного отца — М.О.Кояловича¹⁶. Сразу же отметим, что его воспоминания рассредоточены в различных источниках, в том числе и в вышеназванных органах периодической печати (например, «День», «Русский инвалид» и т.д.). Коялович не раз обращался к событиям своей жизни, посему проследить процесс становления и развития его воззрения вполне возможно. Из имеющихся произведений дневникового характера выделяются его путевые заметки, сделанные в результате поездки по Белоруссии в 80-е гг. XIX в. Это такие работы, как «Поездка в Западную Россию», «По уездным городам и селам», «Поездка в середину Белоруссии»¹⁷. Эти заметки, выдержанные, как отмечает А.Цвикиевич, в пессимистическом тоне¹⁸, много дают для понимания идеалов западноруссизма, о его симпатиях и антипатиях.

Исследователей историографии должны интересовать не только воспоминания и дневники адептов западноруссизма (как, впрочем, и представителей других историографических направлений), но и те памятники литературы, которые помогают почувствовать то, и то обычно называется «духом времени», — мемуары представителей государственной власти, деятелей церкви, учёных и писателей, имевших взгляды, схожие с западноруссистскими либо противоположные им. Контур такого рода источников поистине необозрим¹⁹. Все же необходимо указать на воспоминания таких людей, как митрополит И.Семашко — в определенном смысле «предтеча» западноруссизма; И.П.Корнилов — один из главных «обрусителей» Белоруссии; А.Н.Пыпин — автор капитального труда «История русской этнографии», в четвертом томе которого помещены интереснейшие сведения о представителях западноруссизма, в частности о К.А.Говорском; Н.А.Янчук — известный оппонент западноруссизма второго периода и т.д. Как видим, обилие памятников этого типа литературы позволяет рассмотреть историографию данного направления с позиции ее сторонников и недругов, ответить на очень важный вопрос об отношении к нему различных слоев образованного российского общества, чётче определить идейно-политические истоки и направления эволюции одной из наиболее влиятельных (благодаря правительственной поддержке) школ исторической науки.

3. Делопроизводственная документация

Этот вид источников представлен довольно широко. «Наибольший интерес представляют те из них, где в максимальной степени отражается политика царизма по отношению к Белоруссии и ее культуре... Это законодательные материалы, содержащиеся в полном собрании законов Российской империи, в сборниках постановлений по Министерству народного просвещения, МВД, циркуляров, докладных записок, донесений агентуры III отдела и 00 Департамента полиции, Главного управления по делам цензуры, документы архивного делопроизводства... и др.»²⁰ На наш взгляд, анализ вышеперечисленных видов документов позволит дать ответ на один из дискуссионных вопросов по рассматриваемой проблеме: насколько можно считать западноруссизм ангажированным властями Санкт-Петербурга и Вильно и в какой степени он сохранял от них определенную идейную независимость? Интерес представляет поиск ответа на вопрос, в каком контексте и как широко использовались научные и публицистические труды представителей историографии западноруссизма этими самыми властями (к примеру, в сфере образования)? Рассмотрение этих аспектов данной проблемы позволит определить «удельный вес» и влияние школы Кояловича на общественно-политическую жизнь белорусского края во второй половине XIX — начале XX в.

4. Фонды лично-семейного происхождения

Данная группа источников уже «по определению» должна предоставить исследователю богатейшую информацию о самых разнообразных видах деятельности людей, творивших историю Белоруссии в рассматриваемый период, в том числе людей, бравших на себя смелость отобразить эту и предыдущую историю в своих научных трудах. Семейные архивы могут служить неисчерпаемыми кладями знаний по следующим проблемам: состояние умов (менталитет) представителей различных слоев белорусского общества; Белоруссия глазами великоруссов (чиновников, военных, интеллигенции и т.д.), связь исторической науки с насущными проблемами тогдашней жизни, подготовка и порядок принятия политических решений относительно Белоруссии...²¹ Перечень можно продолжать. Нас же в наибольшей степени интересуют материалы лично-семейных фондов представителей историографии западноруссизма, прежде всего профессиональных историков.

В связи с этим следует отметить, что архивы Москвы, Санкт-Петербурга, Киева и других городов располагают фондами историков, представлявших различные направления дореволюционной историографии. Относительно темы нашего исследования можно выделить две группы лично-семейных архивов: архивы представителей историографии западноруссизма и архивы представителей других течений (последние часто были оппонентами первых, и поэтому изучение их творчества представляет интерес с этой точки зрения). К первой группе относятся архивы М.О.Кояловича, П.Н.Батюшкова, П.О.Бобровского, К.В.Харлампович. Ко второй — архивы М.К.Любавского, И.И.Лаппо, М. В.Довнар-Запольского, М.С.Грушевского, В.Б.Антоновича, А.Н.Пыпина, Н.А.Янчука и многих других. Некоторые из документов уже давно опубликованы, например переписка М.О.Кояловича с И.П.Корниловым и А.С.Сувориным²², однако большинство из них ждет своего исследователя. А между тем в них могут содержаться весьма важные сведения по различным аспектам историографии: черновики научных работ, выписки из архивных документов, различного рода заметки и т.д. Однако важен не только историографический аспект. Ведь «изучение личной жизни помогает раскрыть сущность комплекса идей, представлений и чувств»²³, которым «историк руководствуется в своей работе, независимо от того, сознает он это или нет»²⁴. Введенный польским методологом Е.Топольским для такого рода комплекса термин «внеисточниковое знание» представляется, на наш взгляд, не совсем корректным, так как на самом деле всякое знание имеет свой источник. Другое дело, что он зачастую скрыт для воспринимающего информацию, поскольку неопознаваем либо забыт им. Без анализа этого комплекса специалист по историографии вполне может сделать ложные выводы по поводу побудительных мотивов деятельности своих предшественников на ниве исторической науки.

5. «Собственно историографические» источники

О деятельности историков судят по их научным трудам. Ведь они, являясь

плодом огромной подготовительной работы, размышлений и сомнений историка, часто нося обобщающий и концептуальный характер, дают наиболее адекватное представление о месте его творчества в русле общего развития исторической науки и о ее значении, как научном, так и общественном (особенно мировоззренческо-идейном, а также, как в случае с историографией западноруссизма, и общественно-политическом). Сей комплекс источников настолько значителен, что его анализ требует написания специальной научной работы (и даже нескольких работ). Рассматривая источники по данной теме, нужно произвести хотя бы обзор наиболее важных трудов «западноруссистов». Круг их интересов охватывал в основном историю Белоруссии эпохи ВКЛ и Речи Посполитой. Интересовала их проблематика политическая и культурологическая, в особенности религиозно-конфессиональная и этнологическая. Для их работ характерно широкое использование архивного материала. Некоторые из этих работ (особенно труды М.О.Кояловича) сначала печатались в периодических изданиях («День», «Русский инвалид» и других вышеперечисленных газет и журналов), а затем выходили отдельными изданиями. Все сколько-нибудь крупные научные произведения «западноруссов» вышли в свет в первый период существования историографии западноруссизма (вторая половина XIX в.), что косвенно свидетельствует о её кризисе в начале XX в. Почти все они имеются в Отделе редкой книги библиотеки Академии наук Республики Беларусь. Любопытный читатель может познакомиться с их содержанием и составить о них собственное представление. Однако в силу идейно-политического свойства научные разработки на историографические темы не были особенно популярными в советский период белорусской истории, и труды поколений дореволюционных историков оказались не в достаточной степени востребованными следующими поколениями.

Какие же работы представителей западноруссизма следует выделить в первую очередь? Это произведения, вышедшие из-под пера многократно упомянутого выше профессора ПДА М.О.Кояловича. Во-первых, необходимо назвать недавно (в 1997 г.) переизданный концептуальный труд этого автора «История русского самосознания». Не имеющий, вроде бы, прямого отношения к истории Белоруссии, он тем не менее, очень важен как отражение философских и методологических взглядов и принципов М.О.Кояловича.

Обобщающий характер носят «Лекции по истории Западной России», изданные в 1864 г. Через 30 лет в несколько переработанном виде они вышли в свет уже под названием «Чтение по истории Западной России» (замена латинского по происхождению слова «лекции» на славяно-русское «чтение» может быть, в свете славянофильских взглядов Кояловича, вовсе не случайным). Разумеется, если есть два одновременных варианта одной и той же работы, то напрашивается вывод о необходимости их сравнительно-исторического анализа. Кроме того, раз и «Лекции по истории Западной России» и «Чтение по истории Западной России» уже по своему названию претендуют на раскрытие исторической специфики «Западной России», то интересно проследить, каким факторам ее истории Коялович придает первостепенное значение.

Из специализированных работ М.О.Кояловича необходимо назвать труд, которым он заявил о себе как о довольно крупном историке — «Литовскую церковную унию» в двух томах (1859-62 гг.). Специалисты по историографии уже отмечали богатство архивного материала, используемого автором в этой работе²⁵. В связи с этим нужно отметить, что такого рода исследования мы зачастую обязаны публикацией в них документов, оригиналы которых в последствии погибли или затерялись.

Ликвидации унии на Белоруссии посвящена докторская диссертация Кояловича, которая легла в основу работы «История воссоединения западных униатов старых времен» и вышла в свет в 1873 году.

Есть у Кояловича исследования, посвященные Люблинской унии, событиям Ливонской войны, этнодемографическим проблемам... Он оказал наибольшее влияние на дальнейшее развитие историографии западноруссизма.

Среди последователей Кояловича значатся имена историков П.Д.Брянцева, П.О. Бобровского, П.Н.Жуковича, К.В.Харламповича и др.

Главный научный труд П.Н.Брянцева — «История Литовского государства с

древнейших времен» — посвящен истории ВКЛ. Заслуживают внимания такие его произведения, как «Очерк древней Литвы и Западной России», «Восстание поляков в 1830-1831 гг.», «Польский мятеж 1863 г.». Все они изданы в Вильно в конце 80-х — 90-е гг. XIX в.

П.О.Бобровский известен как специалист в области этнографии и демографии, крупный краевед, посвятивший несколько статей истории Белорусского Понеманья²⁶. Из его монографических работ следует выделить произведение, изданное в 1890 году, — «Русская греко-униатская церковь в царствование Александра I». Кроме того, необходимо отметить его работы по определению белорусско-польской этнической границы²⁷, в которых он полемизировал с полковником Р.Эркартом.

П.Н.Жукович был преемником М.О.Кояловича в качестве преподавателя гражданской истории ПДА. Как и учитель, Жукович посвятил множество работ религиозно-конфессиональной истории. Это «Борьба против унии на современных ей литовско-польских сеймах 1595-1600 гг.», «Кардинал Гозий и польская церковь его времени», «О профессорах богословского факультета Виленского университета в настоящем столетии», «Об основании и устройстве главной духовной семинарии при Виленском университете», «Сеймовая борьба православного западно-русского дворянства с церковной унией». Однако он выходил за рамки этой тематики: его перу принадлежат работы «О русском землевладении в Северо-Западном крае», «Управление и суд Западной России в царствование Екатерины II», «Западная Россия в царствование императора Павла». Остается добавить, что его научная деятельность протекала с 80-х годов XIX столетия по 1916 год.

К.В.Харлампович прежде всего известен как автор монографии «Западнорусские православные школы XVI и начала XVII в.» (1896). Второй вариант этой монографии появился в 1898 году и имел несколько иное название — «Западнорусские церковные школы XVI и начала XVII в.». Исследователи отмечали стремление автора несколько отойти от методологических канонов «западноруссистской» школы в сторону либеральной историографии²⁸.

Заканчивая обзор историографической литературы, вышедшей из-под пера представителей западноруссизма, необходимо сказать, что я назвал не всех адептов этого направления и не все их труды, выделил те, дающие представление о развитии западноруссистской историографии. Более полный перечень их трудов, вышел бы за рамки статьи.

Если же подводить итог рассмотрению основных источников по данной проблеме, то следует сделать оговорку, что их классификация, которая предложена в этой статье, не является ни безусловной, ни тем более единственно возможной. Ее условность состоит хотя бы в том, что различные группы источников в своем роде «пересекаются» друг с другом. Например, в органах периодической печати публиковались материалы, относящиеся как к мемуарно-дневниковой литературе, так и делопроизводственным актам и т.д. И тем не менее подобная классификация имеет право на жизнь, так как указывает на разнообразие происхождения источников и значительно облегчает их поиск.

В заключение следует остановиться на некоторых проблемах анализа данного круга источников. Источник есть отражение реальной исторической действительности (даже если это фальсификация, то все равно — это отражение возникшей в реальных условиях лжи). Однако источник никогда адекватно не отражает прошедшее бытие, т.е. напоминает в большей или меньшей степени кривое зеркало. Виной тому — непреодолимый субъективизм авторов письменных источников. Вот почему без творческого участия историка в осмыслении имеющегося у него материала невозможен сам процесс исторического назначения. «Лишь тогда, когда вооруженный своим вопросом историк углубляется в источник, последний, в свою очередь, начинает снабжать его теми сведениями, о которых исследователь мог и не подозревать»²⁹. По отношению к проблеме историографии западноруссизма исследователь может задать, например, вопрос: как выглядел понятийный аппарат, скажем, Кояловича, и насколько он адекватен тому понятийному аппарату, которым пользуется поколение современных историков? И выясняется, что многие термины Коялович употреблял не в том смысле, в котором они употребляются теперь.

Если представители западноруссизма говорят о языке и наречии (белорусском или русском), то необходимо выяснить, что понималось под языком, а что под наречием в XIX в. А для этого придется овладеть хотя бы азами истории

языкознания и определить его влияние на другие гуманитарные науки, в том числе на историю 100-150 лет тому назад. Таким же образом обстоит дело с понятиями этнографии, религиоведения и т.д.

Исследователь проявляет творческий подход к анализу источника еще и потому, что именно он определяет предмет своего изучения. Вот конкретный пример. В исторической науке нет единого мнения, куда отнести многочисленных представителей языкознания и этнографии второй половины XIX — начала XX в. — Бессонова, Романова, Носовича, Сапунова, Карского. Объективно все они в тот или иной период разделяли некоторые положения идеологии западноруссизма. Стало быть, их с уверенностью можно отнести к этому направлению? Но в то же время в их исследованиях делаются выводы, которые с точки зрения ортодоксов западноруссизма являлись еретическими. И значит, от того, как историк определяет само понятие «западноруссизм», зависит степень широты предмета исследования, включение или невключение тех или иных исторических персонажей в контекст историографии этого направления. Наконец, подвергая источник внутренней критике, историк определяет его тенденциозность, исходя из ранее сформировавшихся представлений и пристрастий. Допустим, он рассматривает проблему Брестской церковной унии в трудах Кояловича и Жуковича. От того, как он сам относится к унии, во многом зависит его оценка уровня объективности данных авторов. Означает ли это, что источник фактически не защищен от научного произвола исследователя? Нет, подобная защита существует, и заключается она в постоянном совершенствовании методов исторического исследования, а также в создании в обществе атмосферы свободного духовного самовыражения — атмосферы, в которой вольно дышалось бы представителям различных историографических течений, а дискуссии между ними обеспечивали успешное развитие исторической науки.

Литература

1. Карев Д.В. Белорусская историография конца XVIII — начала XX в. // Наш радавод.— Кн. 5.— Ч.2. — Гродно, 1993. — С. 250.
2. Там же. — С. 251.
3. Цвікевіч А. «Западно-русизм». — Мн., 1993. — С. 17-103.
4. Здесь и далее перевод автора с белорусского языка на русский.
5. Цвікевіч А. Цыт. твор. — С. 18.
6. Перечень основных опубликованных источников см. в: Энцыклапедыя гісторыі Беларусі.— Т. 2. — Мн., 1994. — С. 252.
7. Цвікевіч А. Цыт. твор. — С. 18.
8. Перечень основных опубликованных источников см. в: Энцыклапедыя гісторыі Беларусі.— Т. 2. — Мн., 1994. — С. 252-253.
9. Цвікевіч А. Цыт. твор. — С. 98-103.
10. Там сама. — С. 19.
11. Карев Д.В. Ук. соч. — С. 329.
12. Цвікевіч А. Цыт. твор. — С. 200-238.
13. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі.— Т. 3. — Мн., 1996. — С. 221.
14. Цвікевіч А. Цыт. твор. — С. 200-238.
15. Карев Д.В. Ук. соч. — С. 257.
16. Цвікевіч А. Цыт. твор. — С. 145, примечание 1.
17. Церковный вестник.— 1886.— N 45-52; 1987. — N 3, 4.
18. Цвікевіч А. Цыт. твор. — С. 196-200.
19. Карев Д.В. Ук. соч. — С. 254-255.
20. Там же. — С. 254.
21. Там же. — С. 255-257.
22. Цвікевіч А. Цыт. твор. — С. 145, примечание 3.
23. Карев Д.В. Ук. соч. — С. 257.
24. Там же.
25. Цвікевіч А. Цыт. твор. — С. 150-151; Перцев В.Н. Историография Белоруссии // Очерки истории исторической науки в СССР.— Т. 2. — М., 1960. — С. 721-722.
26. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі.— Т. 1. — Мн., 1993. — С. 249.
27. Цвікевіч А. Цыт. твор. — С. 175-178.
28. Карев Д.В. Ук. соч. — С. 347.
29. Гуревич А.Л. О кризисе современной исторической науки // Вопросы истории.— 1991. — N 2-3. — С. 27.